

Содержание

Предисловие · 9

Глава 1. Экономика · 20

Экономика · 28; Принцип I: издержки упущенной выгоды · 38; Принцип II: ожидаемые предельные издержки и выгоды · 44; Принцип III: замещение · 52; Принцип IV: убывающая предельная отдача · 59; Принцип V: асимметричная информация и скрытые характеристики · 65; Принцип VI: скрытые действия и согласование стимулов · 74; Заключение: экономика и военная история · 84; Приложение · 88

Глава 2. Высокое Средневековье, 1000–1300:
средневековый замок и издержки упущенной выгоды
от военных действий · 92

Издержки упущенной выгоды и военные действия · 99; Повсеместное распространение замков · 103; Затраты замкового строительства · 106; Преимущества замков · 116; Расходы на армию · 126; Замковое строительство и другие принципы экономики · 137; Заключение · 143; Приложение · 147

Глава 3. Возрождение, 1300–1500:
кондотьеры и рынок военной рабочей силы · 149

Проблема принципал-агент · 156; Спрос, предложение и вербовка · 158; Контракты и оплата · 166; Контроль и развитие контрактов · 184; Развитие регулярных армий · 193; Кондотьеры и другие принципы экономики · 210; Заключение · 215; Приложение · 216

Глава 4. Эпоха битв, 1618–1815:
затраты, выгоды и решение дать бой · 218

Ожидаемые предельные издержки и выгоды сражений · 222; 1600-е: Густав-Адольф и Раймондо де Монтекукколи · 230; 1700-е: Мальборо, Мориц Саксонский и Фридрих Великий · 245; Эпоха наполеоновских войн · 260; Эпоха битв и другие принципы экономики · 272; Заключение · 275; Приложение · 276

Глава 5. Эпоха революций, 1789–1914:
американская Гражданская война и экономика
информационной асимметрии · 278

Информация и военные действия · 284; Север, Юг и поиск информации · 287; Крупнейшие восточные кампании до битвы при Геттисберге · 293; Грант в Виргинии · 315; Американская Гражданская война и другие принципы экономики · 329; Заключение · 336; Приложение · 338

Глава 6. Эпоха мировых войн, 1914–1945:
принцип убывающей предельной отдачи
применительно к стратегическим бомбардировкам
Германии в ходе Второй мировой войны · 340

Производственная функция стратегических бомбардировок · 348; Бомбардировки немецкой военной промышленности · 357; Бомбардировки систем снабжения и гражданской экономики · 367; Бомбардировки устрашения · 378; Оценка отдачи от стратегической бомбардировки · 387; Стратегические бомбардировки и другие принципы экономики · 392; Заключение · 404; Приложение А · 406; Приложение Б · 408

Глава 7. Эпоха холодной войны, 1945–1991:
замещение труда капиталом и «ударные силы»
Франции · 412

История «ударных сил» · 418; Ядерные силы в постдегголлескую эпоху · 434; Оправдание силы · 440; Величие · 442; Влияние ядерных сил на обычные виды вооружения Франции · 452; Замещение обычных вооруженных сил ядерными · 459; Ударные силы и другие принципы экономики · 477; Заключение · 481; Приложение · 482

Глава 8. Экономика и военная история в двадцать первом
веке · 484

Экономика терроризма · 487; Экономика военного личного состава · 503; Экономика частных военных компаний · 518; Экономика, историография и военная история · 539; Заключение · 543

Литература · 553

*Леону—Ю. Б.
и Лоре—Х. в. Т.*

Предисловие

МНОГИХ читателей эта книга привлечет благодаря разделам, посвященным военной истории, а не экономике. Вполне возможно, они захотят сразу же обратиться к той или иной заинтересовавшей их истории: о стоимости замкового строительства в эпоху Высокого Средневековья, о происхождении и роли *кондотьеров*, или военных наемников, или же об итальянских городах-государствах эпохи Возрождения, о принятии стратегических решений генералами эпохи Просвещения, об «информационной войне» во время Гражданской войны в Америке, о стратегических бомбардировках Германии в ходе Второй мировой войны или решении Франции о разработке ядерного вооружения на ранних этапах холодной войны. Для их удобства мы старались писать главы так, чтобы их можно было читать независимо друг от друга, и все же главу, посвященную экономике (глава первая), не следует обходить стороной. Если вы сначала захотите удовлетворить свои аппетиты в разделах по истории, то переходите к главе об экономике, когда почувствуете, что вы уже готовы, — возможно, вы найдете ее восхитительным десертом.

«Замки, битвы и бомбы» — это наша попытка написать военную историю с точки зрения экономической теории. Мы рассмотрим шесть конкретных случаев. Они задают временные рамки, охватывая последнюю тысячу лет — второе тысячелетие нашей эры. Пять рассмотренных нами случаев касаются Европы, а один — Северной Америки. Мы бы с удовольствием расширили сферу и рамки исследования, но по ряду причин это показалось излишне амбициозным. Даже избранные нами

случаи могут показаться некоторым читателям не всегда уместными. Например, когда мы рассматриваем период холодной войны (1945–1991), на ум сразу же приходит конфликт между бывшим Советским Союзом и Соединенными Штатами, а отнюдь не то, как Франция стала наращивать свой ядерный потенциал. Столь ценным не только для Франции, но и для истории в целом этот пример делает то, что вступление Франции в ядерную эпоху изменило динамику противостояния сверхдержав. До Франции Великобритания уже овладела атомным оружием, но, как и в наше время, она была слишком ориентирована на Соединенные Штаты, чтобы считаться в полной мере самостоятельным игроком на мировой арене. Напротив, стремление Франции вернуть былое *величие* — как и сейчас — внесло сумятицу в и без того крайне опасную гонку вооружений.

Вместо шахматной партии один на один в стиле Бобби Фишер против Бориса Спасского третий игрок начал передвигать фигуры поперек доски, что раздражало американцев и совсем не облегчало жизнь СССР. Теперь же, когда целый ряд государств претендует на создание, расширение и обладание своим собственным атомным арсеналом, исследование того, что воодушевляло французов в 1950-х и 1960-х годах, покажется совершенно неуместным. Заинтересовать экономиста в данном случае может то наблюдение, что традиционные неядерные силы обходились Франции да и всем остальным совсем дешево. Верно ли, что, пытаясь удовлетворить эти насущные потребности, Франция обратилась к созданию своих *ударных сил* по причине их рентабельности по сравнению с традиционными вооруженными силами, а также для того, чтобы с их помощью вернуть и улучшить свои переговорные позиции если не в мире, то в Европе? В седьмой главе мы задаемся именно этим вопросом.

Если оглянуться на недавнее прошлое, легко заметить, как много исторических работ посвящено эпохе мировых войн (1914–1945). Существует даже экономическая история этих бедствий¹. Большая часть этих работ посвящена «экономике войны»: вопросам финансиру-

1. См., например, Broadberry and Harrison, 2005, и Harrison, 1998, а также ссылки на цитируемую в ней литературу.

ния войны, материальных ресурсов, необходимых, получаемых и потребляемых в ходе нее, ее экономического воздействия и последствий для стран-участниц, а также превращения экономики из гражданской в военную. Одним словом, речь идет о тех вопросах, в которых, как представляется, должен разбираться именно экономист. Но в действительности вопросы, имеющие отношение к экономике, этим не ограничиваются, распространяясь на сферу ведения самих боевых действий. В качестве иллюстрации в шестой главе мы приводим один характерный пример, который к тому же изменил представления о современной войне: стратегические бомбардировки Германии в ходе Второй мировой войны. Благодаря признанию, которое получили данные операции, — разумеется, среди военных, — подобные же операции с тех пор стали проводиться практически во всех войнах, которые вели США. Несомненно, рейды тысячи бомбардировщиков* на немецкие города были эффективным применением грубой военной силы, но были ли они эффективными? То, что военные стратеги при проведении операций не принимали в расчет экономический принцип убывающей отдачи, является тревожным сигналом. Любой зубривший до утра студент знает, что хотя усилия и могут помочь пройти предстоящий экзамен, затрата на подготовку большего количества часов вовсе не означает автоматического получения более высокой оценки на экзамене. Как говорится, считаются не затраченные часы, а то, как именно они были затрачены. То же относится и к бомбардировкам: просто бросая все больше бомбардировщиков в рейды на Берлин, вероятно, и можно победить в войне, но, скорее всего, это лишь приведет к многократному увеличению потерь союзников. Если бы экономическое понятие убывающей отдачи было бы оценено по достоинству, страны антигитлеровской коалиции, возможно, гораздо осторожнее отнеслись бы к вопросу технологических инноваций в европейской воздушной войне. Они могли бы сохранить множество жизней, поскольку ни один

---

* Тактика «потока бомбардировщиков» (bomber stream), атаковавших в ходе Второй мировой войны немецкие города; наиболее известны рейды на Кёльн и Дрезден. — *Прим. пер.*

род войск не нес таких потерь пропорционально своей численности, как авиация, и ни один пожар не был более разрушительным, чем огненные бури в результате массированных бомбардировок. И, если уж нам приходится воевать, неплохо бы знать, какие еще простые экономические понятия могут помочь нам снизить потери.

Выбор Гражданской войны в США в качестве объекта исследования в пятой главе для разъяснения специфики эпохи революций (1789–1914) был продиктован важнейшей из революций — промышленной. В то время как французская революция революционизировала способы ведения войны, индустриализация еще не набрала достаточно оборотов, чтобы всерьез повлиять на ход и итоги военных действий. Гражданская война в США была первой крупномасштабной войной, прошедшей в индустриальном контексте. Это означало появление на поле боя новых технических достижений и, что важнее, продукции массового производства. С точки зрения информационных потоков три нововведения данной эпохи представляются наиболее значительными: телеграф, железная дорога и газета. Сегодня никого не нужно убеждать в важности введения электронных коммуникаций, чем был тогда телеграф. Но благодаря увеличению дальности и скорости перемещений людей железная дорога также служила средством передачи информации. А газеты вследствие усовершенствованной полиграфии и распространения грамотности использовались в качестве источника информации и способа распространения дезинформации обеими сторонами. Объединение отдельных аспектов экономики информации с ролью информации при ведении военных действий — вообще относительно новое явление, особенно применительно к рассматриваемому нами случаю Гражданской войны в США.

В военной истории период 1618–1815 гг. иногда называется «эпохой битв», что обусловило выбор объекта исследования, тесно связанного с определенным аспектом сражений. Вопрос, который рассматривается нами в четвертой главе, касается принятия решений командующими, а именно решений о том, принять сражение или уклониться от него, поскольку принятие решений является важнейшим элементом экономического ана-

лиза поведения. Принятие подобного решения в этот период было важным делом и влияло на каждую крупную кампанию. Признавая то, что сражение является не случайным событием, а результатом тщательно обдуманного решения, практически каждый «великий капитан» той эпохи считал решение принять бой важным вопросом, требующим значительного внимания. С началом сражения набор доступных возможностей резко сокращался, а контроль генералов над ситуацией стремительно ослабевал. Это в особенности было верно в отношении затяжных сражений, в ходе которых противостоящие армии могли с легкостью превратиться в пьяные толпы головорезов. Сражение могло принести величайшую возможную награду, победу, но цена ее могла быть очень высокой: смерть солдата и сдача армии вражескому генералу. Таким образом, вступать в бой предпочитали, все тщательно обдумав.

Использование десятков тысяч солдат-контрактников в текущих войнах в Афганистане и Ираке привлекло внимание общественности к проблеме комплектования «официальных» вооруженных сил того или иного государства. Вопрос этот для исследователей данной области отнюдь не нов. Частные военные и охранные компании уже использовались самыми различными государствами и группировками во время войн в бывшей Югославии в 1990-х, как и во время многочисленных африканских войн того же десятилетия. «Наемников» прославленного французского иностранного легиона все еще окружает ореол романтики, и, по крайней мере, американские читатели должны были слышать о роли «гессенцев»* в революционной войне за независимость от Великобритании. Если задуматься, исключительно государственные вооруженные силы, полностью укомплектованные молодым мужским населением страны, в сущности, представляют собой аномалию с исторической точки зрения. Вопреки ироническим и насмешливым ярлыкам «наемник» и «солдат удачи» спрос и предложение на военном рынке труда всегда были высокими, и просто удивительно, как мало написано об этом рынке с экономи-

---

* Отборные немецкие солдаты-наемники, воевавшие на стороне Британии в период американской войны за независимость. — *Прим. пер.*

ческой точки зрения. В одном из легендарных примеров историки обычно связывают упадок общепринятой практики использования военных наемников в эпоху итальянского Возрождения (1300–1600) — кондотьеров, столь категорично выставленных в черном свете Макиавелли, — с изменением политической судьбы их работодателей и с развитием военной технологии. Это действительно были важные изменения. Но почему бы также не рассмотреть, как мы это сделаем в главе третьей, природу самих контрактов (они назывались *кондотта*), благодаря которым контрактники и были названы кондотьерами? Возобновление традиции частного военного подряда сегодня подтверждает, что подобные контракты — важнейший аспект этого ремесла, требующий пристального изучения. Возможно, силовой рынок может быть организован совсем иначе, чем следует из сложившихся у нас представлений².

К более очевидным предметам изучения военного дела в эпоху Высокого Средневековья (XI–XIII вв.) относятся строительство и использование замков, ведение завоевательных кампаний, эволюция вооружения, военной стратегии, обучение рыцаря, развитие средневековой армии и тактика боя. Но над всем этим, безусловно, возвышаются замковые башни. Их строительство, защита и осада определяли войну в ту эпоху, а все более позитивные и высокие оценки, выносимые современными историками в отношении средневековой армии, лишь подтверждают высокое значение замков. Опора на фортификационные сооружения казалась совершенно естественной, когда принято было считать, что тогдашние армии представляли собой простой сброд. Но эти армии оказались гораздо лучше организованными и управляемыми, чем предполагалось ранее, что делает изучение средневекового замка гораздо более интересным занятием. Наиболее важные изменения в вооружении касались техники взятия замков. Несмотря на то что сражения также имели большое значение, военачальники

---

2. В последние годы относительно приватизации современного военного дела появилось огромное количество литературы. См., например, Bryden and Caparini, 2006; Alexandra, Caparini, and Baker, 2008, а также цитируемую в данных исследованиях литературу.

все чаще стремились их избегать, в большей степени сосредотачиваясь на маневрах, направленных на оборону замков или подход к ним. И даже лучший рыцарь Европы на своем лучшем коне, вооруженный лучшим копьем и облаченный в свои лучшие доспехи, не мог взять самый слабый европейский замок. Таким образом, посвященная замку вторая глава согласуется с возникшим среди историков интересом к замковому строительству. Как мы увидим, несмотря на огромные затраты на их постройку — бывало, что король спускал весь годовой доход на один замок, — затраты на замки вовсе не были деньгами, просто выброшенными на ветер. И, как это ни удивительно, экономическая наука прекрасно может объяснить нам, почему это было так.

Мы не рассчитываем, что наш читатель хорошо знаком с экономической теорией, и потому в первой главе мы решили изложить некоторые ее принципы. Любопытно, что по поводу того, в чем состоят основные принципы экономики, не существует единого мнения, но ни один экономист не будет спорить с шестью следующими утверждениями: во-первых, с представлением о том, что для того, чтобы сделать что-то одно, обычно приходится упустить возможность сделать что-то другое; во-вторых, с идеей о том, что стимулы воздействуют на поведение; в-третьих, с тем, что решения принимаются посредством сравнения дополнительных выгод с дополнительными издержками; в-четвертых, с тем, что информационная асимметрия делает положение одной из сторон более выгодным; в-пятых, с принципом, согласно которому с определенного момента дополнительные затраты приносят все меньшую отдачу; в-шестых, с представлением о том, что люди обычно заменяют относительно дешевый предмет относительно более дорогим, если они считаются сопоставимыми. (Яблоки и апельсины *можно* сопоставлять, если человеку хочется полакомиться каким-нибудь фруктом.) Эти принципы являются (почти) самоочевидными, но их детализация и вытекающие из них следствия — вовсе нет, и одна из наших задач состоит как раз в том, чтобы показать, как эти принципы проявились в эпизодах военной истории, избранных нами для рассмотрения в данной книге.

Несмотря на значительные успехи в историографии с 1960-х, историческим исследованиям недостает теоретической обоснованности. По каким критериям следует выбирать, упорядочивать и представлять исторические факты и какие именно события сможет предсказать историческая теория, причем таким образом, чтобы эти предсказания поддавались эмпирической проверке и могли быть опровергнуты? В Соединенных Штатах историки в особенности скептически по отношению к теории. Ссылаясь на Ганса-Георга Гадамера и Вильгельма Дильтея, Брюс Мэзлиш пишет, что «как правило... историки, с недоверием относящиеся к отвлеченным теориям, занимаются своими исследованиями, игнорируя подобных эзотерических мыслителей»³. И военные историки не исключение. Но при всем этом единственный способ разъяснить историю заключается в том, чтобы позаимствовать теорию из других областей исследования, например, социологии, психологии, политологии или собственно экономики, или даже географии, климатологии и других естественных наук, что и было сделано, например, в двух недавно опубликованных и чрезвычайно популярных книгах Джаред Даймонда⁴. В этих и других академических дисциплинах теория развита лучше, чем в области истории. Благодаря этим исследовательским областям историю можно рассматривать как ряд конкретных примеров прикладной теории. Хотя ее послужной список совсем неплох, сама по себе экономика, конечно, не образует корпус безупречно стройной теории. Мы просим читателя расслабиться и развлечься. Даже если кто-то и полон предубеждений в отношении экономики, он все же может оценить то, как ее можно использовать⁵.

3. Mazlish, 2003, p. 13. Это может отражать национальную культуру, как и ориентацию исследовательской дисциплины. Алексис де Токвиль в 1835 году заметил, что «во всем цивилизованном мире нет страны, где бы философии уделяли меньше внимания, чем в Соединенных Штатах» (de Tocqueville, 1984, p. 143).

4. Diamond, 1997, 2005; см. также Bryson's, 2003, научно-популярный рассказ и его неизменные попытки поставить человеческую историю в рамки, установленные миром природы.

5. В главе восьмой мы говорим прямо о тех вопросах экономики, историографии и военной истории, от рассмотрения которых в данном случае мы хотели бы воздержаться.

Нам следует сразу же пояснить, что, хотя при написании книги мы в основном ориентировались на широкий круг читателей, эта книга вносит важный вклад в развитие научного знания. Например, если говорить о главе, посвященной кондотьерам, обычно исторические исследования сосредотачиваются на хитросплетениях политики и развитии военной технологии того времени, пренебрегая трудовыми контрактами, благодаря которым кондотьеры, собственно, и получили свое имя. Непосредственное рассмотрение самих контрактов, пусть и в чисто экономическом контексте, является новым шагом в этой области. Точно так же глава о Германии во время Второй мировой войны вносит независимый вклад в продолжающиеся споры об эффективности стратегических бомбардировок. И как бы много ни было написано об американской Гражданской войне — счет одних только книг уже идет на тысячи, — удивительно, насколько редко в этой литературе исследуется роль, которую сыграла в этой войне информация. Поэтому мы просим неспециалистов не обращать внимания на многочисленные примечания и сноски, предназначенные главным образом для специалистов, а ученых просим проявить терпение, когда для удобства рядового читателя мы излагаем тему или эпоху более пространно, чем это обычно принято у специалистов.

Насколько репрезентативны шесть примеров, отобранных нами, для решения основной задачи — соединения военной истории с экономикой? Пока мы этого не знаем. Однако мы, безусловно, знаем, что, отобразив шесть экономических принципов, а не один-другой, и применяя их к шести различным историческим эпохам, охватывающим тысячу лет истории, мы замахнулись на многое. На наш взгляд, результаты если и не в полной мере репрезентативны, то, по крайней мере, вдохновляют: оказывается, экономика способна предложить продуктивный способ пересмотра военной истории.

ЗА КОММЕНТАРИИ к различным разделам книги мы выражаем благодарность профессорам Джереми Блэку, Марку Фисселу, Джею Пилцеру, Вэнди Тернер (историкам) и экономистам, принимавшим

участие в Конференции по военной и мирной экономике, которая проходила в Университете Ратджерса, Ньюарк, май 2001 года, а также Пятой ежегодной конференции по военной и мирной экономике в бизнес-школе Мидлсекского университета в Лондоне в июне 2001 года. Мы также приносим благодарности анонимным рецензентам из издательства Чикагского университета, его тогдашнему редактору Дж.Алексу Шварцу, нынешнему редактору Дэвиду Первину и всем их коллегам по издательству. Мы также благодарим Маттиаса Сперле, Сертака Карги, Николаса Англевича, Милоша Николича и персонал Межбиблиотечной абонементной службы из Университета Огасты за исключительную помощь в проведении научно-исследовательских работ. Капитан Джозеф Гвидо предоставил крайне полезные комментарии на начальной стадии создания рукописи. За помощь в работе над третьей главой мы благодарим Надю А.Вебер-Гвидо, профессора Кристин Касалетто и профессора Данкана Робертсона (переводы), как и профессоров Стефана Сельцера и Уильяма Каферро (переписка). Мы также выражаем признательность Дебре ван Туйль (иллюстрации). Согласно обычной формуле, подтверждаем: все оставшиеся ошибки — на нашей совести. Мы выражаем особую благодарность профессорам Питеру Холлу и Стефану Марковски и всем их коллегам из кампуса Университета Нового Южного Уэльса в Академии австралийских вооруженных сил в Канберре, Австралия. Они обеспечили одного из нас самым гостеприимным, теплым и творческим окружением на время, когда он работал там приглашенным профессором в 2005 году, что во многом способствовало завершению данной книги.

Наконец, читавшие книгу в первой редакции задавали нам вопрос: почему мы не включили главу о текущих войнах Соединенных Штатов в Афганистане и в особенности Ираке? Возможно, самый краткий ответ заключается в том, что во всех этих случаях в отличие от приводимых нами примеров окончательного набора данных еще не существует. Однако если задача экономики состоит не только в объяснении, но и в прогнозировании, то разве из главной идеи нашего проекта — «инъекции» теории в историю — не следует, что мы должны пред-

сказывать события будущего? И если психоисторики из научной фантастики Айзека Азимова подобного мастерства уже достигли, для нас это будет все еще едва ли выполнимой задачей, как это выяснили до нас другие — от Маркса до Толстого⁶. Перед тем как обращаться к будущему, выясним для начала, вносит ли теория, экономическая и любая другая, полезный вклад в объяснение прошлого. Достаточно сказать, что хотя многие экономические аспекты войн, ведущихся сейчас США, заслуживают внимания — от экономики терроризма до роли стран-изгоев, возникновения вооруженных сил нового типа, формирования альянсов и интенсивного использования частных военных компаний, — наши планы относительно этой книги сложились задолго до падения башен-близнецов Всемирного торгового центра в 2001 году. Тем не менее в заключительной, восьмой главе книги содержатся разделы, посвященные экономике терроризма, военных людских ресурсов, а также все более активному использованию правительствами частных военных и охранных компаний. Мы убеждены, что экономическая теория прекрасно применима не только к военной истории, но и к современным военным операциям.

---

6. В первой книге трилогии А. Азимова «Основание» один из героев, математик Гэри Селдон, создает психоисторию — науку, предсказывающую будущее. В действительности психоистория является академическим подразделом науки психологии.

ГЛАВА 1

Экономика

ГЕРМАНИЯ вовсе не собиралась задавать отсчет двадцатому веку, а вместе с ним и остатку истории. Однако в 1914 году один из самых знаменитых в мире военных планов, план Шлиффена, побудил Германию превратить разрастающийся европейский скандал в величайшую, самую масштабную и дорогостоящую войну, когда-либо известную цивилизации, войну, лишь впоследствии названную мировой, поскольку именно в нее она и переросла. По ходу войны бойня становилась столь масштабной, а жизни приносились в жертву столь ужасающим образом новомодным инструментам войны, таким как отравляющие газы, подводные лодки и пулеметы, что в то время ее звали просто и ясно — Великая война. И для тех, кто прошел ее, худших кошмаров нельзя было представить. Она должна была стать главной и последней войной, венчающей все войны. На многих полях боя Европы до сих пор видны ее следы. Из-за ее всепроникающих последствий — среди которых все еще нерешенный палестино-израильский конфликт и продолжающиеся войны в Афганистане и Ираке — большинство историков связывают начало двадцатого века с началом Первой мировой войны.

Германия разработала план ведения войны. Его осуществление подразумевало завоевание Франции и Бельгии, что, в свою очередь, могло вовлечь в войну Британию. По плану Германия должна была бросить семь восьмых своей армии на Запад, бóльшая часть которой должна была опустошить Бельгию для обхода французских армий, тем самым нанеся Франции поражение в шесть недель. Затем победоносные силы должны были

быть переправлены на восток для атаки медленно мобилизующихся русских. План был поразительно дерзким и до гениальности простым и рискованным. Обернувшаяся неудачей попытка его воплощения кардинально изменила весь мир, а потому некоторые считают его важнейшей операцией в современной военной истории.

Почти век спустя план Шлиффена все еще вызывает множество споров среди исследователей, профессионалов и любителей. Остается большое пространство для анализа, но, как это часто случается со спорами вокруг военной истории, а также историческими дебатами в целом, многие из аргументов напоминают переливание из пустого в порожнее. Например, генерала Гельмута фон Мольтке, возглавлявшего вторжение, критиковали даже во время войны за его неспособность неукоснительно следовать плану. Споры вокруг Мольтке все еще продолжаются, притом что набор мнений, как в его пользу, так и против, по существу, не меняется. В данной книге мы используем идеи экономики для разъяснения специфики процесса принятия решений на войне. Возможно, Мольтке и его коллеги оценили бы это по достоинству. Немецкий генеральный штаб славился методичностью в подходе к военному делу, что объясняет поразительный успех Германии в ведении (если не в выигрыше) войны. Если бы штаб располагал «усердным и вдумчивым»¹ корпусом офицеров, занятых задачей применения набора принципов социологии к ведению военных действий, они, без сомнений, произвели бы на свет блестящий многотомник ценнейших наблюдений². Они, разумеется, безо всякого труда бы применили экономические принципы к немецкому вторжению 1914 года. Рассмотрим то, от чего Германия отказалась, руководствуясь одним-единственным военным планом, неизбежно сосредоточившим все ее ресурсы на одном направлении. Германия не смогла сохранить своего первоначального союзника Австрию. План основывался на предположении, что быстрая победа над Францией обеспечит крах

1. Tuchman, 1962, p. 10.

2. Который, однако, мог бы быть крайне утомительным для чтения: сам Альфред фон Шлиффен, перед тем как написать свой план, посвятил два тома одной только знаменитой римской битве.

вражеского альянса. Этого не произошло, а Австрия потерпела тяжелейшие поражения в первые же месяцы войны. Она не была завоевана, но никогда так и не оправилась от столь скоропостижных военных неудач. С войной в 1918 году Австро-Венгерская империя прекратила свое существование. Аналогичным образом Германия, потратив свои ресурсы на огромную армию, не могла построить такой же крупный флот, как у Британии, хотя для многих немцев именно Британия стала заклятым врагом. Не хватало ресурсов Германии и для вторжения в Россию — альтернативы, сознательно отвергнутой Шлиффеном. Все это, однако, вовсе не означало, что немецкие стратеги просчитались. Это означало лишь, что, выбирая одну альтернативу, они отказались от других. Экономисты называют это принципом «издержек упущенной выгоды»: выбор одного действия означает отказ от возможности предпринять другое. (В главе второй мы применим этот принцип к примеру замкового строительства в эпоху Высокого Средневековья.)

Осуществление плана Шлиффена требовало ужасных потенциальных издержек. Германия собиралась вести войну с двумя, а возможно, и с тремя граничащими с ней великими державами. Нет необходимости вдаваться в изучение вопроса о том, кто нес ответственность за войну или стремилась ли Германия к войне осознанно: ясно, что берлинское правительство не делало каких-либо попыток для ее предотвращения. Однако военное руководство Германии не было безрассудным. Оно не игнорировало потенциальные издержки, по крайней мере, прогнозируемые. При взвешивании потенциальных выгод и издержек своих действий два соображения повлияли на их расчеты. Во-первых, «война» казалась более дешевой альтернативой, чем «не-война». Так как многие немецкие лидеры полагали, что война и издержки (такие как риск поражения, человеческие жертвы и затраченные средства) в любом случае были неизбежны, вступление в конфликт было «свободно» от соображений подобного рода. Кроме того, учитывая неизбежность войны, ей лучше было начаться раньше, чем позже. Россия была слабой, но ее положение стремительно улучшалось. Если бы война началась раньше, германское руководство посчитало бы, что выгоды перевеши-

вают риски и издержки; еще чуть-чуть, и все пошло бы по-другому. Во-вторых, вступление в войну Франции не привело к увеличению издержек Германии. Большинство руководства Германии полагало, что Франция неизбежно вступит в войну для поддержки своего союзника, России. Это предположение означало, что вопрос заключался не в том, воспринимать ли Францию в качестве врага, а в том, следует ли напасть на Францию первыми. Таким образом, единственные возможные издержки касались краткосрочных военных расходов, связанных с организацией вторжения. Даже если кто-то и задался бы вопросом относительно точности их расчетов, в отношении обоих пунктов немцы, в сущности, рассматривали принцип ожидаемых дополнительных затрат и выгод своих действий. (В главе четвертой мы используем данный принцип для изучения того, как военачальники «эпохи битв» решали, следует ли принять бой или от него уклониться.)

Решение напасть вначале на Францию само по себе было весьма целесообразным, поскольку она в военном отношении была более сильным врагом, нежели Россия. До Шлиффена Германия планировала войну абсолютно в противоположном направлении. Немецкие силы должны были атаковать Россию, держа при этом оборону против Франции. Однако этот подход оставил бы Францию в безопасности, тогда как размеры России сделали бы невозможным нанесение быстрого и решительного поражения Франции. Однако переключение с России на Францию как на первичную цель включало две важные альтернативы. Оно означало, что Германия не могла эффективно конкурировать с Британией на море. Сражаться с британцами следовало, нанеся поражение их союзникам в Европе. Кроме того, для того чтобы план Шлиффена сработал, он должен был осуществляться быстро. Каждый день отсрочки давал врагу время приспособиться и помешать крупномасштабному и сложному передвижению людей и боевой техники, что имело бы фатальные последствия, поскольку необходимость стремительных действий вынуждала Мольтке требовать быстрых решений, не давая при этом германскому правительству времени рассматривать более тщательно обдуманые альтернативы. Время позволи-

ло бы использовать дипломатию и различные военные маневры — скорость же предоставляла больше шансов на успешное вторжение. По сути дела, руководство Германии провело ряд замен: поражение Франции и России было замещением нападения на Британию, осуществившие это сухопутные войска — замещением военно-морского флота, а скорость была заменой времени. (Мы проиллюстрируем принцип замещения в седьмой главе, где мы вновь обратимся к решению Франции разрабатывать свой собственный ядерный арсенал, так называемые ударные силы.)

Беспрецедентный масштаб германского вторжения 1914 года создал множество проблем. Преимущества обладания войсками большей численности неабсолютны. Например, большее количество солдат требует более длинных цепочек снабжения, что приводит к дорожным заторам. Подобным же образом особенности местности могут свести на нет численное превосходство атакующего. По плану Шлиффена массивный правый фланг должен был прокатиться по Бельгии, в то время как слабый левый удерживал бы оборонительные позиции в Эльзасе и Лотарингии. Мольтке отчасти изменил его, дав себя уговорить немецким генералам, командовавшим левым флангом, укрепить их позиции и позволить идти в наступление. Этот план был приведен в действие, но расстроен французами. Все новые подкрепления немецких войск приносили все меньше военных успехов. Экономистам данный феномен прекрасно известен под малопривлекательным именем принципа убывающей предельной отдачи. (Мы раскроем данный принцип на примере стратегических бомбардировок Германии во Вторую мировую войну в шестой главе.)

Как и в случае американского вмешательства в ближневосточные войны в наше время, так и в отношении всех воителей прошлого причина, по которой Германия начала войну, основываясь на своих предположениях, состояла в том, что определенная фактическая информация либо отсутствовала, либо была неточной. С одной стороны, Германия считала, что Франция будет атаковать в случае начала германо-русской войны, но теперь мы располагаем данными о том, что этого могло и не произойти. Несомненно, российское правительство

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru